

Таким образом, к началу 1921 г., за которым последует страшный голод и связанное с ним новое наступление на церковь, декрет об отделении церкви от государства в Саратовской губернии так и не был до конца реализован. Окончательно работа была завершена только в столице губернии – городе Саратове. А в уездах и волостях она либо не была завершена, либо не начата вообще¹⁹. Для чего Губернскому комитету приходилось где-то вновь открывать комиссии по этим уездам, и организовывать заново всю работу, либо исправлять недочеты предшествовавшей работы. А это, в свою очередь, вело к очередным беззакониям и ущемлениям прав церкви.

Примечания

- 1 См.: Декрет СНК об отделении церкви от государства и школы от церкви // Государство и церковь. Сборник узаконений, постановлений и распоряжений НКЮ и НКВД по отделению церкви от государства. Саратов, 1925. С. 9–11.
- 2 Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. Р- 514. Оп. 5. Д. 11. Л. 11.
- 3 ГАСО. Ф. Р- 521. Оп. 1. Д. 109. Л. 21.

- 4 ГАСО. Л. 25.
- 5 Там же. Ф. Р-340. Оп. 1. Д. 12. Л. 9, 10, 12, 18.
- 6 Записки обывателя // Мишин Г. А. Были города Покровска : краеведческие очерки. Саратов, 2001. С. 87.
- 7 ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 109. Л. 43, 43 об.
- 8 Там же.
- 9 Там же. Л. 50–51, 53, 56, 58, 60, 62, 71, 72, 74.
- 10 Так, Преображенский мужской монастырь уже занимал отдел Пленбеж, в женском – часть корпусов была занята лазаретом, часть отдана под жилье береговым рабочим, и только в нескольких корпусах осталось 450 женщин-монахинь. См.: ГАСО. Ф. Р-546. Оп. 1. Д. 18. Л. 5, 5 об.
- 11 Там же. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 109. Л. 43, 43 об.
- 12 Там же. Ф. Р-546. Оп. 1. Д. 105. Л. 1, 10.
- 13 Там же. Л. 1.
- 14 См.: *Одинцов М. И.* Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М., 2014. С. 61.
- 15 Губотнароб – губернский отдел народного образования.
- 16 ГАСО. Ф. Р-546. Оп. 1. Д. 105. Л. 4.
- 17 Губотюст – губернский отдел юстиции.
- 18 ГАСО. Ф. Р-546. Оп. 1. Д. 105. Л. 10.
- 19 Там же. Л. 10 об.

Образец для цитирования:

Петрова Е. А. Декрет об отделении церкви от государства и его реализация в Саратовском Поволжье в 1917–1920 годах // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 479–481. DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-479-481.

УДК 947.084

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ САРАТОВСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ЛЕСООХРАНЫ И ЛЕСОНАСАЖДЕНИЙ И СОСТОЯНИЕ ЛЕСНОГО ФОНДА САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ

Е. В. Воейков

Пензенский филиал Фининиверситета при Правительстве РФ
E-mail: evgenijvoejkov@yandex.ru

В статье преимущественно на основе архивных материалов исследуются вопросы, связанные с комплексом природоохранных мероприятий, проводимых в лесах Саратовской области в годы третьей пятилетки. Рост посадок леса, очистка лесов от захламленности, борьба с лесными пожарами и самовольными порубками рассматриваются в сравнении с предшествующим периодом и соседними областями Поволжья.

Ключевые слова: лесной фонд, лесозаготовки, посадки леса, управление лесоохраны.

The Activity of the Saratov Forestation and Forest Protection Office and the Condition of the Forest Fund of Saratov Region in the Pre-war Years

E. V. Voyeikov

In this article, mainly on the basis of the archive materials, the issues connected with the complex of environmental measures carried out

in the forests of Saratov region in the years of the third five-year industrial plan are researched. The growth of forest planting, cleaning the forests from filthiness, wildfire suppression and unauthorized forest felling are viewed in comparison with the previous period and the neighbouring regions of the Volga area.

Key words: forest fund, timber harvesting, forest planting, forest protection office.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-481-486

Современные специалисты лесного хозяйства обращают внимание на особое значение лесных ресурсов в истории и экономике России: «Общезвестно, что лес всегда играл огромную роль в жизни русского народа: лес – убежище и защита от нашествия кочевников и других враждебных военных вторжений, лес – место охоты и рыбалки, сбора мёда, ягод и грибов, выпаса и сбережения домашнего скота, лес – источник дров и строительных материалов»¹. Россия в настоящее время

располагает 23 % мировой площади покрытых лесом земель и 22 % мирового запаса древесины. Занимая первое место в мире по площади лесов, Россия получает доходы от лесного сектора в объёме 1,7 % ВВП и 2,4 % экспорта².

В 1990–2000-е гг. в отечественной исторической науке наметилась тенденция к формированию отдельного направления исследований, анализирующего историческую эволюцию освоения лесных ресурсов³. Чаще всего внимание специалистов привлекали наиболее лесные регионы России⁴. История лесного хозяйства Поволжья на сегодняшний день является слабоизученной темой. В монографии В. С. Тонких дан краткий очерк основных этапов политики по эксплуатации и охране лесов Мордовской АССР⁵. Состояние лесного фонда Мордовской АССР было также рассмотрено в диссертации Е. И. Денискина⁶. Статья Н. А. Шарошкина была посвящена развитию лесной промышленности Куйбышевской области в годы третьей пятилетки⁷. Внимание региональных исследователей истории Поволжья в последние десятилетия применительно к периоду 1920–1930-х гг. привлекает преимущественно история индустриализации⁸. Активно разрабатывается также история крестьянства, лагерей ГУЛАГа и кооперации⁹. Развитие лесного хозяйства XIX–XX вв. как Поволжья в целом, так и Саратовской области в частности не получило должного отражения в работах историков.

Леса в климатических условиях Поволжья смягчали засушливый климат, повышая тем самым урожайность зерновых культур, препятствовали образованию оврагов и обмелению рек, защищали дороги от снежных заносов и служили для местного населения основным источником топлива и стройматериалов. Лесной фонд Саратовской губернии в 1920-е гг. характеризовался следующим образом: «Саратовская губерния расположена на границе лесной и степной зон Европейской части Союза... Граница лесостепи и степи проходит от Пензенской губернии через Петровский уезд, захватывая массив Узинского лесничества, спускаясь к городу Петровску, захватывает восточную часть Петровского лесничества, главным образом, северо-восточный массив Аткарского лесничества, Поповский район Саратовского лесничества и, делая поворот к северу на село Сокур, захватывает в изгибе на восток Тепловское и Усовское лесничества, проходя на село Елшанку»¹⁰. В ходе реформ административно-территориального устройства в 1928–1930-е гг. наиболее крупный лесной массив Саратовской губернии в Кузнецком уезде отошёл сначала в Средне-Волжский край, затем – в образованную в 1939 г. Пензенскую область. В начале 1940-х гг. ситуация представлялась в следующем виде: «Леса Саратовской области расположены в основном в правобережье Волги и приурочены в северной части к водоразделам, а в южной и центральной к поймам рек и оврагов, и представляют

из себя мелкие массивы, резко разбросанные по территории области... Разбросанность лесов среди полей колхозов увеличивает их полезное значение для сельского хозяйства, одновременно, располагаясь по оврагам и берегам рек, леса имеют большое водоохранное и почвозащитное значение»¹¹.

Для оценки обеспеченности региона лесными ресурсами наиболее часто используют показатель лесистости, представляющий отношение площади, покрытой лесом, ко всей площади данной территории, выраженное в процентах. Средняя лесистость Европейской России составляла около 33%. Лесистость территории бывшей Саратовской губернии, вошедшей в состав Нижне-Волжского края, колебалась от 6% в Балаковском округе, до 10% в Саратовском округе и 17% в Вольском округе¹². В 1940 г. лесистость Саратовской области составляла 3,5%¹³.

Ограниченность лесных ресурсов Саратовской области требовала бережного отношения к лесам. Леса Поволжья серьёзно пострадали в годы Гражданской войны от хаотичных рубок, ведущихся с нарушением правил лесного хозяйства, и лесных пожаров 1920–1921 гг. В сводке Саратовского губплана 1924 г. о лесном хозяйстве указывалось: «Почти все спелые насаждения в пределах 13-вёрстной полосы по обе стороны линии железных дорог и сплавных рек вырублены. Вырублены все леса около крупных центров, как, например, около Саратова в 25-вёрстном радиусе»¹⁴. В Саратовской губернии в 1920 г. пожаров было 320 на площади 4,7 тысячи десятин; в 1921 г. – 495 на площади 12,2 тысячи десятин. В сводке Саратовского губплана 1924 г. констатировалось: «После пожаров в неубранных гарях развивались в большом количестве короеды, лубоеды и другие вредители леса, которые заражали здоровые насаждения»¹⁵. В годы нэпа в Саратовской губернии состояние лесов оставалось неблагоприятным. Площадь необлесившихся площадей вырубок и гарей в 1927 г., по приблизительным оценкам губернского лесного отдела, составляла свыше 20 тысяч га в хвойных массивах и шести тысяч га в лиственных. Лесовосстановительные работы в 1920-е гг. из-за недостатка финансирования осуществлялись в недостаточных объёмах. Так, в 1926 г. было посеяно семян и посажено саженцев на площади 84 и 305 га, в 1927 г. – 87 и 645 га¹⁶. Нетрудно подсчитать, что при объёме лесовосстановительных работ самого результативного за все годы нэпа 1927 г. на ликвидацию пустырей и вырубок в лесах Саратовской губернии потребовалось бы не менее 36 лет. Данная тенденция катастрофического отставания посевов и посадок леса от потребностей лесного хозяйства была характерна в 1920-е гг. для всей страны и Поволжья в частности¹⁷.

В годы индустриализации недостаток топлива и стройматериалов вынудил резко увеличить объёмы лесозаготовок, при этом лесовосстанови-

тельные мероприятия по-прежнему проводились в недостаточном количестве. В Нижне-Волжском крае и далее Саратовской области в первой и второй пятилетках работы вёл лесохозяйственный трест «Саратовлес», переданный в 1936 г. в систему Наркомлеса СССР и далее Наркомлеса РСФСР. Постановлением СНК РСФСР от 9 мая 1940 г. трест «Саратовлес» был передан из системы Наркомлеса Саратовскому облисполкому и далее существовал под названием Саратовского лесопромышленного треста. С октября 1936 г. территория Саратовской области находилась в сфере действия Нижне-Волжского управления лесоохраны и лесонасаждений, из которого в 1938 г. было выделено Саратовское управление¹⁸. Помимо лесных трестов и управлений лесоохраны, заготовку дров вели образованные в 1939 г. управления местной топливной промышленности (УМТП) и функционирующие с начала 1930-х гг. городские топливные тресты (гортопы), также существовал достаточно широкий круг так называемых самозаготовителей. К ним относились промышленные предприятия, организации, учреждения, кооперативы, ведущие самостоятельные заготовки как дров, так и лесных материалов.

В Саратовской области, как и в примыкающих к ней с севера Куйбышевской и Пензенской областях, преобладало дровяное направление лесозаготовок. Так, вывоз потребителям заготовленной лесопроductии с мест заготовки составил в 1940 г. в Саратовской области 448 тысяч кубометров, в том числе деловой древесины – 85 тысяч¹⁹. Несмотря на общий рост добычи угля и нефти в стране, в Поволжье роль древесного топлива в годы довоенной индустриализации продолжала оставаться значительной. В 1937 г. древесное топливо составляло в Татарской АССР 37,4%, в Куйбышевской области – 31,3%. В малолесной Саратовской области с 1937 г. по 1939 г. доля дров в топливном балансе увеличилась с 13,7 до 14,7%²⁰. Своими собственными лесными ресурсами Саратовская область удовлетворяла потребность в деловой древесине на 40%, в дровяной – на 60%²¹.

Одной из главных проблем лесного хозяйства Поволжья в годы индустриализации стало значительное превышение объёмов лесозаготовок по сравнению с размерами, рекомендуемыми правилами лесного хозяйства²².

Недостаточность мероприятий по лесовозобновлению приводила не только к сокращению лесной площади Поволжья, но и к ухудшению качественного состава лесов. Наиболее ценными считались сосновые и дубовые леса. Именно эти породы деревьев были немногочисленны и плохо возобновлялись естественным путём. В дубовых лесах естественным путём восстанавливалось прежней породой не более одной трети прежней площади, остальная часть зарастала преимущественно берёзой и осинкой. В хвойных лесах Средне-Волжского края, куда был включён самый крупный лесной массив бывшей Сара-

товской губернии в Кузнецком уезде, по данным крайплана, естественным путём возобновлялось не более 50% площади вырубки, «причём сосной не более 10%»²³. Специалист по лесному хозяйству Саратовской губернии указывал: «Нагорные дубравы, будучи порослевого происхождения, после вырубок не всегда обновляются материнской породой – дубом. Вместе с последним появляются на этих площадях и мягкие породы – осина, липа и др., вытесняющие дуб. При проезде по лесам, расположенным по кряжам и склонам в правобережье, в районе приволжских лесных массивов к северу и к югу от Вольска, картина нагорных дубрав наглядно наблюдается в различных стадиях смешения дуба с другими породами»²⁴. Поэтому проведение регулярных ежегодных посевов и посадок леса в Среднем и Нижнем Поволжье являлось важной задачей сохранения природных ресурсов региона.

Постановлением СНК СССР от 31 июля все лесные массивы страны разделили на две зоны: лесопромышленного и лесокультурного значения. Леса лесопромышленной зоны перешли в ведение ВСНХ; леса лесокультурной зоны – Наркомата земледелия СССР. Леса Нижне-Волжского края относились к зоне лесокультурного значения²⁵. Отнесение лесов к лесокультурной зоне не гарантировало в годы первой и второй пятилеток соблюдения правил ведения лесного хозяйства. На всеобщем совещании директоров лесхозтрестов в декабре 1931 г. руководитель Главлесхоза Народного комиссариата земледелия СССР отмечал по поводу разработки древесины в лесокультурной зоне: «Жизнь нас заставит разрабатывать леса больше, чем это требуется нормами лесовосстановления»²⁶. В условиях резко увеличившихся объёмов лесозаготовок лесовосстановительные мероприятия остались на уровне предшествующего периода. Так, Саратовский лесхозтрест, в чьём ведении находилась основная часть лесных массивов Саратовского края, в 1935 г. осуществил посевы и посадки сосны, дуба и прочих пород на площади 43,3 и 368 га²⁷. Как видно из приведённых показателей, объёмы лесовосстановительных работ во второй пятилетке в Саратовском крае остались на уровне второй половины 1920-х гг. Между тем в условиях форсированных лесозаготовок техногенная нагрузка на лесной фонд региона существенно возросла.

Неблагополучное состояние лесов в ряде регионов СССР обусловило проведение в 1936 г. ещё одной реформы лесной промышленности и лесного хозяйства, которая восстановила органы охраны лесов. Как показал опыт эксплуатации лесов 1931–1935 гг., функции лесоохраны и лесовосстановления в лесопромышленной зоне, возложенные на лесные тресты, выполнялись с многочисленными недостатками, также серьёзные проблемы с соблюдением правил ведения лесного хозяйства имелись и в массивах лесоохранной зоны. Постановлением ЦИК и СНК СССР от

2 июля 1936 г. образовалось Главное управление лесоохраны и лесонасаждений при Совнарком СССР. Главлесоохрана и её территориальные управления должны были проводить все лесокультурные и лесовосстановительные мероприятия в пределах образованной обширной водоохранной зоны. Была создана водоохранная зона важнейших рек России, в которую были включены «все лесные массивы, расположенные в бассейнах рек Волги, Дона, Днепра, Урала и верхнего течения Западной Двины со всеми их притоками». В границах водоохранной зоны вводились запретная и эксплуатационная части: в запретной разрешались только рубки ухода за лесом и санитарные рубки, в эксплуатационной – рубки ухода и рубки главного пользования, но в объёмах «не свыше годовичного среднего прироста» (ст. 4, 5). В пределах водоохранной зоны все леса передавались в ведение Главлесоохраны. Управление лесами Наркомзема СССР упразднилось. На местах лесохозяйственные тресты ликвидировались, их лесхозы переходили в состав местных управлений лесоохраны или лесных трестов²⁸.

В утверждённом 26 апреля 1938 г. «Положении о Главном управлении лесоохраны и лесонасаждений при СНК СССР» указывалось, что Главлесоохрана «имеет своей главной задачей организацию лесного хозяйства в водоохранной зоне в целях регулирования водного режима рек и предохранения их от обмеления» (ст. 1). В рамках поставленной цели на Главлесоохрану возлагались следующие задачи: управление всеми лесными массивами водоохранной зоны, проведение лесокультурных мероприятий, «охрана лесов от незаконных порубок и нарушений правил ведения лесного хозяйства», «борьба с вредителями леса и лесными пожарами», определение объёмов годовых лесозаготовок в эксплуатационной части водоохранной зоны и отвод площадей для рубки, рубки ухода за лесом в запретной и эксплуатационной полосах, контроль за правильностью ведения рубки лесозаготовителями, издание правил и инструкций по всем видам лесопользования (ст. 2)²⁹.

Согласно указанному положению 1938 г., в Поволжье располагались Мордовское, Татарское территориальные управления лесоохраны на территории Мордовской, Татарской АССР; Средне-Волжское и Саратовское управления на территории Куйбышевской, Оренбургской и Саратовской областей (ст. 20). Постановлением СНК СССР от 9 октября 1939 г. были образованы Куйбышевское и Пензенское территориальные управления Главлесоохраны, ведающие лесами водоохранной зоны на территории Куйбышевской и Пензенской областей³⁰.

Одним из основных направлений работы управлений лесоохраны во второй половине 1930-х гг. стали посевы и посадки леса. В 1938 г. существенного увеличения объёма лесовосстановительных работ Саратовскому управлению

лесоохраны добиться не удалось: посев составил 62 га, посадка – 704 га, в том числе хвойных культур – 317 га. Переломным стал 1939 г.: посев – 164 га, посадка 1593 га, в том числе сосны – 1051 га³¹. В 1940 г. посевы были произведены на площади 188 га, посадки – 1268 га, в 1941 г. – на площади 487,8 га и 2083,5 га, соответственно³². Таким образом, к началу 1940-х гг. объёмы лесовосстановительных работ в Саратовской области вышли на уровень ежегодных посевов и посадок лесокультур на площади порядка 1,5–2,5 тыс. га, что значительно превосходило прежние показатели порядка 400–700 га.

Годы довоенных пятилеток были временем внедрения новой техники. В 1939 г. в Саратовском управлении лесоохраны и лесонасаждений имелось 16 тракторов. Для обработки почвы под посевы и посадки лесных культур применялись обычные и специальные плуги и бороны. Так, в 1939 г. тракторами было подготовлено 3974 га, в то время как лошадьми и ручным способом – 878 и 1142 га³³.

Долговременной проблемой лесов Поволжья в период индустриализации стало захламление лесосек порубочными остатками – обрубленными сучьями и вершинами деревьев, корой, щепками. По правилам лесного хозяйства заготовители были обязаны производить очистку лесосек одновременно с заготовкой или сразу после окончания рубки и вывозки. Но на практике в 1930-е гг. все силы и средства были направлены на выполнение плана по заготовке дров и деловой древесины. Так, например, Саратовский лесхозтрест в отчёте за 1935 г. сообщил, что за год было очищено 7433 га лесосек, в том числе 2363 га прошлых лет. При этом на конец года оставалось неочищенными 3396 га лесосек прошлых лет и 1521 га текущего года. В 1936 г. планировалось очистить 5759 га захламлённых лесосек прошлых лет³⁴. С образованием управлений лесоохраны ситуация в течение нескольких лет кардинально изменилась. В отчёте Саратовского управления лесоохраны за 1939 г. приводилась следующая информация: «Имевшаяся на 1/1 1939 г. захламлённость лесосек сплошных и выборочных рубок прошлых лет, числившихся как за лесхозами, так и за лесозаготовителями, в течение 1939 года ликвидирована, за исключением 0,1 тыс. га неочищенных лесозаготовителями площадей сплошных рубок прошлых лет, падающих лишь на один лесхоз»³⁵. Таким образом, от нескольких тысяч гектаров, ежегодно остававшихся неочищенными, с 1939 г. в Саратовской области оставались неочищенными только некоторые лесосеки текущего года.

По данным Главлесоохраны, к началу третьей пятилетки степень захламлённости лесов водоохранной зоны была низкой в УССР, БССР, Курской, Куйбышевской, Московской, Оренбургской, Орловской, Рязанской, Сталинградской, Тамбовской области и Татарской, Мордовской АССР³⁶.

Важную роль в деле сохранения и охраны лесов сыграла норма ст. 3 «Положения о Главном управлении лесоохраны и лесонасаждений при СНК Союза ССР», согласно которой Главлесоохранные и её местным структурам предоставлялось «право приостанавливать незаконную рубку и подсычку леса»³⁷. В Поволжье в качестве одного из способов, позволяющих заставить лесозаготовителей выполнять требования очистки лесосек, стало предоставление лесхозам права на запрещение производства работ³⁸. Так, например, в 1939 г. по Саратовской области управление лесоохраны закрывало рубки 35 раз, в том числе тресту «Саратовлес» – 15 раз и Саратовскому УМТП – шесть раз³⁹.

Значительный ущерб лесам Поволжья нанесли лесные пожары. Так, в отчёте Саратовского лесхозтреста за 1935 г. указывалось, что пожаров было 97 случаев на площади две тысячи га⁴⁰. Основными средствами борьбы с пожарами в 1930-е гг. стали строительство пожарных вышек, обеспечение лесхозов телефонной связью, проведение противопожарных полос. В отчёте Саратовского управления лесоохраны за 1940 г. отмечалось, что «в условиях Саратовской области содержание пожарных сторожей имеет большое значение в деле предупреждения возникновения лесных пожаров». В Саратовском управлении также значительное внимание уделялось агитационно-массовой работе среди населения: проводились лекции и доклады, организовывались добровольные пожарные дружины⁴¹.

Принятый комплекс мер дал свои результаты. Так, в Саратовской области в 1939 г. было зафиксировано 67 пожаров на площади 276,6 га, в 1940 г. – 17 на площади 68,7 га⁴². Важно подчеркнуть, что указанная положительная динамика сокращения горимости лесов являлась особенностью Поволжья. По данным начальника отдела охраны лесов Главлесоохраны, именно в 1940 г. «пожары охватили значительные площади лесов» в Белорусском, Башкирском, Горьковском, Ярославском, Калининском, Ивановском территориальных управлениях⁴³. В 1941 г. в лесхозах Саратовского управления лесоохраны было зафиксировано всего шесть пожаров на площади два га⁴⁴.

Серьёзной проблемой в 1920-е гг. для лесов как Поволжья в целом, так и малолесной Саратовской губернии стали так называемые «самовольные порубки». В 1939 г. самовольных порубок леса в Саратовской области было зафиксировано 3902 с массой срубленной древесины 7,7 тысячи кубометров. В 1940 г. самовольных порубок было 3289 с массой срубленной древесины 8,2 тысячи кубометров⁴⁵.

Показатели самовольных порубок периода третьей пятилетки разительно отличаются от ущерба от самовольных порубок 1920-х гг. По данным Саратовского гублесотдела, в 1925 и 1926 гг. ежегодно незаконно вырубалось порядка 60 тысяч кубометров, в 1927 г. – 41,9 тысячи⁴⁶.

Значительное снижение в годы третьей пятилетки показателей самовольных порубок с нескольких десятков тысяч до 7–8 тысяч кубометров нельзя объяснить только уменьшением почти в два раза площади лесов Саратовской области по сравнению с Саратовской губернией. Представляется, что решающую роль сыграли такие факторы, как общее усиление уголовного репрессии в 1930-е гг. и специализация созданных управлений лесоохраны исключительно на вопросах ведения лесного хозяйства.

В 1941 г. самовольных порубок в лесах Саратовской области было зафиксировано 3803 с массой самовольно срубленной древесины 10,9 тысячи кубометров. При этом в отчёте управления лесоохраны отмечалось, что «преобладающее большинство самовольных порубок произведено военными частями, проходящими по территории Саратовской области»⁴⁷.

Таким образом, деятельность Саратовского управления лесоохраны в годы третьей пятилетки продемонстрировала заметные сдвиги в решении ряда проблем лесного хозяйства, что подтвердило правильность принятого в 1936 г. решения о создании специальных лесоохранных структур. Актуальность изучения истории освоения лесных богатств нашей страны подтверждается неблагоприятным состоянием российских лесов на современном этапе. Использование исторического опыта эволюции лесного хозяйства может служить основой для выработки стратегии перспективного развития как лесной промышленности России, так и природоохранных мероприятий.

Примечания

- 1 Писаренко А. И., Страхов В. В. Лесное хозяйство России : от пользования к управлению. М., 2004. С. 131.
- 2 См.: Редько Г. И., Редько Н. Г. История лесного хозяйства России. М., 2002. С. 428 ; Щепоткин В. Как очистить «золото» от копоти // Российская Федерация сегодня. 2012. № 07–08. Апрель. С. 38.
- 3 См.: Гусев Н. Н. История лесостроительства Российского. М., 1998 ; Двухсотлетие учреждения лесного департамента. 1798–1998 : в 2 т. Т. 2 (1898–1998). М., 1998 ; Колданов В. Я. Очерки истории советского лесного хозяйства. М., 1992 ; Писаренко А. И., Страхов В. В. Указ соч. ; Редько Г. И., Редько Н. Г. Указ. соч.
- 4 См.: Тихонов П. Т. Лесное хозяйство Чувашии в XX веке. Исторический опыт и уроки развития. Чебоксары, 2001 ; Юричев Е. Н. Очерки истории лесного хозяйства Вологодской области. Вологда, 2009.
- 5 См.: Тонких В. С. Леса Мордовии. Саранск, 1976. С. 66–73.
- 6 См.: Денискин Е. И. Лесное хозяйство Мордовии в 1920–1950-е гг. XX в. : дис. ... канд. ист. наук / Пенз. гос. пед. ун-т. Пенза, 2007.
- 7 См.: Шарошкин Н. А. Лесная промышленность Куйбышевской области в предвоенные годы // Четвёртые Петровские чтения. СПб., 2003. С. 81–83.

- ⁸ См.: Кузьмина Т. Н., Шарошкин Н. А. Индустриальное развитие Поволжья. 1928–июнь 1941 гг. : достижения, издержки, уроки. Пенза, 2005 ; Филатов С. Г. Пути решения кадровой проблемы на предприятиях пищевой промышленности Поволжья в 1938–1941 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 5–2. С. 200–203 ; *Он же*. Управление пищевыми предприятиями Поволжья в 1930-е годы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 1–1. С. 205–208 ; Чолахян В. А. Индустриальная модернизация Саратовского края в годы второй пятилетки (1933–1937 годы) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2011. Т. 11, вып. 2, ч. 2. С. 114–120 ; *Он же*. Подготовка рабочих кадров в промышленности Нижнего Поволжья в годы второй пятилетки (1933–1937 гг.) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения, 2013. Т. 13, вып. 3. С. 100–106 ; Шарошкин Н. А., Кузьмина Т. Н. Трудовая активность железнодорожников в годы второй пятилетки. 1933–1937 гг. (по материалам Поволжья) // Изв. Пенз. гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 1122–1127.
- ⁹ Власов В. А., Тишкина А. В. Национальный, социальный и возрастной состав раскулаченных крестьян Пензенского края // Изв. Пенз. гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 533–539 ; Захарченко А. В., Репинецкий А. И. Использование труда заключённых и индустриализация Куйбышевской области накануне и в годы Великой Отечественной войны // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2006. Т. 8. № 3. С. 789–800 ; Ягов О. В. Властное регулирование кооперативного сектора экономики Поволжья в первой трети XX века // Изв. Пенз. гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского. 2011. № 23. С. 649–658 ; Ягов О. В. Власть и кооперация Поволжья в условиях нэповского эксперимента (организационный аспект) // Изв. Пенз. гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 1154–1156.
- ¹⁰ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 4043. Л. 5 об.
- ¹¹ Там же. Ф. Р-2168. Оп. 3. Д. 23. Л. 62, 62 об.
- ¹² Тенета И. Лесной фонд Нижне-Волжского края // Нижнее Поволжье. 1928. № 10. С. 81.
- ¹³ ГАСО. Ф. Р-2168. Оп. 3. Д. 23. Л. 62 об.
- ¹⁴ Работа Саратовского губплана // Нижнее Поволжье. 1924. № 2. С. 85.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ ГАСО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 4568. Л. 18 об.
- ¹⁷ Подробнее см.: Воейков Е. В. Решение топливной проблемы в Поволжье в 1918–1929 гг. Самара, 2013. С. 296–299.
- ¹⁸ См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 594. Оп. 1. Д. 2463. Л. 30 ; ГАСО. Ф. Р-2052. Оп. 20. Д. 1167. Л. 1.
- ¹⁹ См.: Промышленность СССР. Статистический сборник. М., 1957. С. 252.
- ²⁰ См.: Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 36. Д. 654. Л. 19 ; Д. 748. Л. 52 ; Оп. 37. Д. 524. Л. 3.
- ²¹ ГАСО. Ф. Р-2168. Оп. 3. Д. 23. Л. 62 об.
- ²² Данное явление было характерно в первой пятилетке для большинства районов европейской части России. Например, в Ленинградской области в 1928–1929 гг. было вырублено 143% годичной сметной лесосеки, в Московской – 200, в Центрально-Чернозёмной области – 129, Нижегородской области – 252%. См.: Лесное хозяйство России. М., 1968. С. 38.
- ²³ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-751. Оп. 9. Д. 145. Л. 6.
- ²⁴ Тенета И. Лесной фонд Нижне-Волжского края // Нижнее Поволжье. 1928. № 10. С. 81.
- ²⁵ См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : в 6 т. Т. 2. 1929–1940 гг. С. 346–347.
- ²⁶ Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. Р-1435. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.
- ²⁷ ГАСО. Ф. Р-2052. Оп. 20. Д. 892. Л. 49.
- ²⁸ См.: Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР (СЗ СССР). 1936. № 35. Ст. 311.
- ²⁹ Там же. 1938. № 22. Ст. 142.
- ³⁰ Там же. 1939. № 55. Ст. 524.
- ³¹ ГАСО. Ф. Р-2168. Оп. 3. Д. 21. Л. 87–87 об.
- ³² Там же. Д. 23. Л. 15 ; Д. 25. Л. 14.
- ³³ Там же. Д. 21. Л. 85, 86 об.
- ³⁴ Там же. Ф. Р-2052. Оп. 20. Д. 892. Л. 49 об.
- ³⁵ Там же. Ф. Р-2168. Оп. 3. Д. 21. Л. 76 об.
- ³⁶ См.: Флеров С. К. Лесозащитные мероприятия в водоохранных лесах в третьем пятилетии // Лесное хозяйство. 1938. № 5. С. 2.
- ³⁷ СЗ СССР. 1938. № 22. Ст. 142.
- ³⁸ См.: Воейков Е. В. Освоение топливных ресурсов Поволжья в 1930–1941 гг. Самара, 2014. С. 133.
- ³⁹ ГАСО. Ф. Р-2168. Оп. 3. Д. 21. Л. 76.
- ⁴⁰ Там же. Ф. Р-2052. Оп. 20. Д. 892. Л. 51.
- ⁴¹ Там же. Ф. Р-2168. Оп. 3. Д. 23. Л. 84 об. ; Д. 25. Л. 41.
- ⁴² Там же. Д. 21. Л. 38 ; Д. 23. Л. 18.
- ⁴³ См.: Андреев Я. А. Охрана лесов водоохранной зоны // Лесное хозяйство. 1941. № 4. С. 37.
- ⁴⁴ ГАСО. Ф. Р-2168. Оп. 3. Д. 25. Л. 41.
- ⁴⁵ Там же. Д. 21. Л. 92 об. ; Д. 23. Л. 84 об.
- ⁴⁶ Там же. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 4568. Л. 25 об.
- ⁴⁷ Там же. Ф. Р-2168. Оп. 3. Д. 25. Л. 41 об.

Образец для цитирования:

Воейков Е. В. Деятельность саратовского управления лесоохраны и лесонасаждений и состояние лесного фонда Саратовской области в предвоенные годы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 481–486. DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-481-486.